

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

Марина
СЕРОВА

*Риск, засада,
пистолет*

ЭКСМО

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Осиное гнездо

«Научная книга»

Серова М. С.

Осиное гнездо / М. С. Серова — «Научная книга», — (Частный детектив Татьяна Иванова)

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марина Серова

Осиное гнездо

Глава 1

Весь мир объединился против меня, и началось все это с погоды.

Пятый день я занималась прикладной астрологией и безнадежно охотилась за солнцем.

Пятый день!

Я еще не сошла с ума, как это может показаться с первого взгляда, – я была немного не в себе, потому что хотела загореть.

Разве это какое-то невероятное желание?

Просыпаясь каждый день с первыми петухами – то есть около десяти утра, – я первым делом выглядывала в окно и смотрела на небо, а потом на градусник. После чего, быстренько совершив все, что положено, хватала нужные причиндалы и мчалась на пляж.

Кино, да и только!

Самое большее, что мне удавалось, – так это часок с трудом вылежать на влажном песке, вздрагивая от холодного дыхания Волги. И в каждый из этих ужасных дней, через час, как по заявкам телезрителей: буря мглою небо, простите за выражение, крыла!

Налетал ветрище с пылью и холодищей, и бедная-бедная Таня сворачивала свои тряпочки и грустно влачила обратно, обдумывая: а не послать ли мне все это куда подальше?!

А что? В наше время, когда напридумывали там и попривозили сюда всякие-разные солярии и кварцевые установки, есть неплохие шансы стать шоколадкой, и не подвергаясь погодным оскорблениям.

Но я все не могла на это решиться: все-таки июнь, и до пляжа рукой подать...

Сегодня, в гадскую июньскую пятницу, я так же, как и всю неделю, побросала в пакет свои пляжные принадлежности и, раздраженно дымя сигаретой, брела по направлению к дому.

Проходя мимо уличного кафе под развесистой шатровой крышей, я подумала, что, наверное, горячиться никогда не стоит.

Я присела за один из столиков, но соблюла свои жесткие принципы: пиву да, вобле нет. Ее, кстати, почему-то продают неочищенной.

Пошляки.

Потягивая пиво и рассеянно поглядывая на мальчиков, сидящих за соседними столиками – надо же куда-то смотреть, – я помедлила и тихо опустила руку в пакет.

Нащупав мешочек со своими гадальными костями, я отпила еще глоточек пива.

Самой принимать решение мне не хотелось, требовалось разделить ответственность за него честно пополам.

Мои гадальные кости почти всегда давали мне классные советы в подобных ситуациях.

Перекавав кости пальчиками, не вынимая их из мешочка, я весьма подробно представила, что и как я хочу и в какой последовательности, после чего высыпала кости перед собой на стол.

Набор цифр, представший моим очам, имел такой издевательский смысл, что я едва не поперхнулась пивом.

26+5+15!

Каково, а?!

Сие означало следующее:

«На сегодня вы недостойны составить счастье ни одной порядочной женщины»!

Эти маленькие граненые мерзавцы насмехались и глумились!

Я швырнула их обратно в сумку, встала со стула и, гордо задрав голову, замаршировала домой.

Весь мир против меня. Весь мир.

Значит, так: завтра иду в солярий, становлюсь мулаткой и в ближайшем же ночном клубе буду вытанцовывать самбу-румбу-мумбу-юмбу.

Женщине я не могу составить счастье! Надо же такое заявить! А пропади оно все пропадом! Не могу принести счастье – значит, принесу несчастье, бойтесь все, я осерчала!

Подходя к своему дому, я случайно обратила внимание на невысокого роста девушку, как-то неуверенно или осторожно идущую чуть впереди меня.

Простенькое платьице, простенькая причесочка, простенькие туфельки.

Левой рукой она бережно прижимала к себе толстенный томище вроде кулинарной книги для шеф-поваров. У меня такая же где-то валяется. А может, уже и не валяется – не помню.

На правом плече девушки болталась неплохая кожаная сумочка. Было похоже, что девушка начала обновлять свой гардероб именно с сумки.

Ну что ж, всегда с чего-то нужно начинать.

Девочка мне, в общем-то, понравилась. Видно было, что она нормальная, без затей и выкрутасов. Только вот зря она тащит эту книгу на виду у всех – по нынешним-то временам ее поймут неправильно. Скажут: зануда училка и, возможно, будут недалеко от истины.

Около моего подъезда я почти догнала девушку, и она, услышав шаги, оглянулась.

Окинув меня взглядом, она издала какое-то змеиное шипение, и ее верхняя губка презрительно вздернулась.

Я так и застыла на месте. Застыла вовсе не от потрясения, как можно было бы подумать: еще чего!

Я остановилась, чтобы получше рассмотреть это чудо, которое на меня так отреагировало.

Что это такое?!

Ростом не вышла, так она шпильки такие нацепила, что еле ходит, а все равно видно, что пигалица.

Платье устаревшего фасона, пошлой расцветки и сидит на ней как...

Туфли – пусть не новые, пусть, – но ты бы их хоть почистила, что ли!

Ты, дочка, сначала научись причесываться, а потом только рискуй оглядываться на взрослых тетенок!

Пока я стояла, эта безнадежная тоска вызвала лифт и укатила на нем. Ну и скатертью дорога.

Я дождалась, когда лифт вернется, и втянула носом воздух: пигалица оставила после себя аромат дорогих духов. Скажите, пожалуйста, какие мы помпезные!

Доехав до своего седьмого этажа, я вышла и увидела эту девушку, усердно тыкающую пальцем в кнопку моего звонка.

Кнопка для нее была высоковата, и ей пришлось тянуться изо всех сил.

Я полюбовалась на это зрелище, потом подошла ближе.

– Никого нет дома? – спросила я максимально равнодушным тоном.

Она оглянулась и, кашлянув, ответила:

– Наверное, никого. Не открывают.

Я сама нажала на кнопку, позвонила несколько раз, прислушалась к тишине за дверью и проговорила:

– Похоже, вы правы. Не открывают.

После чего я вздохнула, достала ключи и отперла дверь.

– Все приходится делать самой, – проворчала я. – Если вы ко мне, то прошу, но имейте в виду: мое время дорого стоит.

– Мне нужна Татьяна Иванова, – хрипловатым от волнения голосом пояснила девушка.

– Прошу, заходите и почувствуйте себя как дома! – я приглашающе махнула рукой.

Девушка вошла, я заперла дверь и направилась в кухню.

Доставая банку с кофе, я подумала, что, пожалуй, можно и расслабиться: девочка поставлена на место, ну а теперь тетя Таня явится ей во всем своем прославленном гостеприимстве.

Однако моя гостя не спешила ко мне на кухню.

Выглянув в коридор, я едва не прикусила себе язык, чтобы смолчать: она причесывалась перед зеркалом, аккуратно положив свой талмуд на тумбочку.

– Кофе будет через минуту, – изящно намекнула я и вернулась к плите.

Я услышала, как девушка вошла и присела на табурет позади меня.

– Вас как зовут? – спросила я не оборачиваясь.

– Антонина, – ответила она и замолчала.

– А книга про что? – задала я следующий вопрос, уже начиная раздражаться по-настоящему.

– Про время Антонинов, – ответила она, и я удивленно повернулась и встретила ее веселый взгляд.

– Это эпоха расцвета в Римской империи, – пояснила Антонина, – примерно восемьдесят лет счастья при правлении Дома Антонинов.

– Вы историк? – блеснула я наблюдательностью и поставила перед ней чашку с кофе. – Сахар перед вами.

Антонина поблагодарила и от сахара отказалась.

– Ну-с, – я села за стол напротив нее и закурила сигарету, – если вы хотите, чтобы я решила какую-нибудь древнеримскую проблему, например, отыскала бы папочку Ромула, то, боюсь, вы пришли не по адресу. Увы, не тот профиль.

Антонина улыбнулась и покачала головой:

– Моя проблема проще или сложнее, не знаю, это как посмотреть. Понимаете, Татьяна, я недавно приехала в ваш город, и у меня здесь почти нет знакомых. Будь я у себя дома, меня бы защитили, а так... – Антонина замялась и робко улыбнулась.

– Вы пришли к частному детективу, – напомнила я ей, – а не к частному охраннику.

– Да, да, я читала в газете. – Антонина нагнулась к своему пакету, поставленному на пол, очевидно, для того, чтобы показать мне эту газету, но я только поморщилась: что я, не верю, что она умеет читать? Вон какой кирпич с собой таскает. – Я так понимаю, что, если будет нужно проследить за каким-то человеком, вы это можете сделать, – сказала она несомненную вещь, – в этом случае человек, которого вы выследите, становится как бы безоружным: он известен и уже не спрячется в случае чего. Получается, что все-таки какую-то охрану частные детективы дают.

Я нахмурилась, стараясь вникнуть в ее сложные логические построения. Что ей нужно в конце-то концов?

Видимо, прочитав этот вопрос на моем красивом лице, Антонина вздохнула и выпалила:

– Меня преследует один человек. Молодой человек. Преследует постоянно. Стоит мне только выйти на улицу, он идет следом, и я никак не могу от него отделаться.

Я помолчала и почесала кончик носа для усиления кровотока к голове – так лучше думается.

– Вы его знаете? Вы пытались с ним разговаривать? Он подходил к вам и что-нибудь говорил? – задала я кучу вопросов, и на все Антонина ответила отрицательно. – Маньяк? – сказала я, подумав, что такой книжной девочке вполне могут примерещиться и маньяки, покушающиеся на нее.

Антонина улыбнулась, и это было странно.

– Нет, – ответила она. – Он похож на незнакомого мне поклонника. Держится всегда на расстоянии, но никогда не выпускает меня из виду. Представляете: я на прошлой неделе попыталась сымитировать свой отъезд из Тарасова, чтобы только он отвязался. Я съехала с квартиры – я ее снимала в частном доме в Цыганском поселке рядом с трамвайной остановкой, – примчалась на вокзал, села в вагон поезда, вышла с другой стороны. Бродила по рельсам. Думала: все, ура, отвязался. Вышла на привокзальную площадь примерно через час, а он там стоит и смотрит на меня.

– Вы хотите выяснить, кто он такой? – задала я прямой вопрос.

– Зачем он мне? – Антонина пожалала плечами. – Если бы я хотела с ним познакомиться, то уже сделала бы это. Нет, мне надо, чтобы он отстал от меня хотя бы на пару часов. Может быть, вы задержите его как-нибудь, а я за это время спрячусь? Все-таки ваш город не маленький... Это же реально сделать?

Я отрицательно покачала головой.

– Ничего не получится, милочка, – ответила я и с удовольствием посмотрела, как эта девочка приоткрыла рот от изумления.

Я даже выяснять не стала, как выглядит этот преследователь, потому что крупно засомневалась в самом факте его существования. Мало ли что нам может показаться в дождливые летние вечера.

...Через два часа после ухода Антонины со всем ее интеллектуальным багажом я делала утреннюю гимнастику, не обращая внимания на то, что скоро уже вечер. Если мир сошел с ума, то чем я лучше? К тому же обуявшая меня в последние дни лень требовала срочно принять меры. Толстеть никому не хочется, даже сумасшедшим.

Раздавшийся посреди моего спортивного сопения телефонный звонок только подхлестнул мою энергетику.

Рывкнув в трубку «Алло!», я нетерпеливо ждала ответной реакции.

– Здравствуйте, – немного неуверенно поприветствовал меня мужской голос, – мне нужна Татьяна Александровна Иванова.

– Это я! Слушаю вас, – уже более спокойно ответила я. Нельзя пугать людей до бесконечности, они от этого тупеют.

– Меня зовут Роман, – сообщила мне трубка, – у меня к вам дело.

– Вы где? – поинтересовалась я, тут же прикидывая, успею ли я сходить в душ, если окажется, что этот мужчина уже стоит под дверью.

Оказалось, что он стоит не под дверью, а рядом с домом, и я назначила ему свидание через десять минут.

Ну что за люди?! Неужели нельзя было позвонить на полчаса раньше, когда я была вся в грусти-печали?

Через пятнадцать минут, свежая и бодрая, я уже отпирала входную дверь и пропускала в свою квартиру молодого человека, одетого в легкий серый костюм.

Роман был высок, строен, брюнет.

Пока мы с ним расшаркивались в коридоре, он успел сообщить, что приехал к нам из стольного града Москвы по делу, и я ему в этом деле должна помочь.

– А вы уверены, что я смогу вам помочь? – ненароком поинтересовалась я, ставя кофе на плиту.

– В том, что вы справитесь, у меня сомнений нет, если только вы как раз сейчас не обременены каким-нибудь срочным и важным делом... – Роман замаялся и улыбнулся, – но мне кажется, у меня есть шансы вас уговорить.

– Шансы есть у всех, – проворчала я, – вопрос в том, насколько велики эти шансы.

– Так вы заняты, Татьяна?

– Я не замужем, – хмуро ответила я, – или вы про что?

Роман рассмеялся:

– Пока про работу. Ее у вас много?

Я поставила перед Романом кофе, села за стол напротив него и достала сигарету.

– Что у вас? – спросила я его напрямик.

– Мне нужно найти одного человека. Он недавно приехал сюда из Москвы в командировку и некоторым образом потерялся. Он мне кое-что должен, и я волнуюсь, чтобы он не пропал.

Роман вынул из кармана пиджака несколько фотографий. На них был запечатлен симпатичный парнишка примерно двадцати пяти лет. Стройный блондин с голубыми глазами. Длинные русые волосы стянуты сзади в хвост, голубые джинсы, хорошо прокачанный на тренажерах торс, открытая футболка. Ну мечта, ну песня, а не мальчик, но что-то в нем было не то.

Сначала я рассмотрела у него серьгу в правом ухе. Потом мне не понравилось колечко с камушком на его пальце. Во всем облике парня было что-то ненатуральное. Наигранное, что ли.

– Он артист? – спросила у Романа, переворачивая одну фотографию. На ее обороте было написано: «Прокопенко Владимир Николаевич».

– В некотором роде, – ответил Роман, – он мне нужен, и я надеюсь, что вы мне его найдете. Я удовлетворюсь вашим телефонным звонком с его адресом. Никуда его тащить не придется.

– Это легче, – согласилась я, – я не специалистка по переносу тяжестей. А как, интересно, вы себе представляете мою работу? Наш Тарасов, конечно же, не Нью-Йорк, но и не деревня в три двора. Найти приезжего человека, особенно если он не желает этого, – проблематично, знаете ли.

– У Володи Прокопенко есть за что зацепиться, – пояснил мне Роман.

– Я заметила, – согласилась я, – но этого будет мало.

Роман засмеялся и откинулся на стуле назад.

– Вы меня не поняли, Татьяна, – немного успокоившись, произнес он, – наш Володя – гомосексуалист. Причем как бы это помягче сказать... – Роман, размышляя над ответом, побарабанил пальцами по столешнице, – он не простой гей, а склонный к эпатажу и эстетизму, на своем уровне, конечно. Это не означает, что он любит маршировать по улицам в женском купальнике и приставать к милиционерам, нет-нет. Но если у вас в городе есть места, где собираются такие... особи, то я уверен, он будет там. Обязательно.

Я еще раз посмотрела на фотографии. Надо же: такой великолепный экземпляр и бракованный!

Действительно, мир сошел с ума!

– А почему же вы сами не хотите поискать его по этим злачным местам? – спросила я Романа.

– Есть препятствия, в том числе и психологического плана, – сказал он, – мне бы не хотелось, чтобы он меня увидел раньше времени, да и противно, знаете, по таким местам шляться... Я, Таня, убого консервативен в своих пристрастиях. Мне все это более чем неинтересно.

– Я должна подстраховаться, – ответила я наконец после некоторого раздумья, – вы не похожи на киллера, но все-таки как у вас с документами?

– Отлично, – ответил Роман и протянул мне свой паспорт.

– Роман Георгиевич Балдеску, – вслух прочитала я, – вы из иностранцев? И где же ваша историческая родина? В Кишиневе?

– Папа говорит, что мы происходим из румын, но это было так давно, что он и сам не помнит, – улыбнулся Роман. – А вы раньше никогда не слышали фамилию Балдеску?

– Вы спрашиваете про Георгия Ионовича? – вопросом на вопрос ответила я, разумеется зная, что этот человек – известнейший предприниматель, владелец заводов, газет, паро-

ходов. По какой-то необъяснимой мне причине он, однако, не числится журналистами среди олигархов.

Если уж Балдеску не олигарх, то я не детектив, а неудавшаяся продавщица прошлогоднего мороженого.

– Я правильно понимаю, что Георгий Ионович ваш папа?

– Вот именно, а я его единственный сын.

Глава 2

Утром в восемь часов – а для меня это самая что ни на есть глухая ночь – я ловким ударом подушки заставила заткнуться заверещающий от истошного выполнения своего долга будильник и потащила в ванную.

Холодный душ спросонья – изысканное удовольствие.

Ничего, осталась живой.

Быстренько позавтракав чем бог послал, я отважно отправилась на работу.

Вчера я приняла предложение Антонины, но на своих условиях и вовсе не потому, что она меня разжалобила или мне нужны были деньги.

Я поняла, во-первых, что с погодой мне не везет и надо было чем-то развеять тоску, чтобы не стать неврастеничкой, и во-вторых, меня всего лишь заинтересовало это дело.

Мне стало любопытно, что же кроется за всей этой историей с неизвестным преследователем.

Я разгромила дурацкую идею Антонины по отвлечению внимания этого непонятного мальчика и доказала, что дела так не делаются.

Если уж у него хватило ума не клюнуть на ее домотканый фокус с поездом, то пара часов форы ей тоже не дают никакой гарантии.

Нужно выяснить, кто он, зачем и почему. Только после этого можно будет принимать адекватные решения.

Антонина вынуждена была со мной согласиться.

Мы обсудили с нею план действий и условия их выполнения. Она заплатила мне аванс, не смутившись величиной моих запросов, и отчалила со своей походной библиотекой, а я, договорившись о том, что начинаю работать с завтрашнего утра, подскочила к кухонному окну.

Логично было предположить, что если за ней на самом деле следят, то и мой адрес уже засвечен, и настырный мальчик, не дающий Антонине прохода, стоит у подъезда. Или невдалеке от него.

Разумеется, мне захотелось рассмотреть его и сделать хотя бы предварительные выводы.

Однако, как я ни прижималась носом и щеками к стеклу, «хвоста» за Антониной не заметила.

Предложение Романа Георгиевича Балдеску я тоже приняла, рассудив, что одно дело другому не помешает.

Дело Антонины мне не показалось очень уж сложным, и я собиралась разрулить его до вечера. Ну а с первыми звездочками у меня был запланирован турпоход по голубым и розовым местам нашего города.

Основные места тусовок этой неформальной братии мне были известны, и, имея в кармане фотографии Володи Прокопенко, я намеревалась заняться его поисками после разборки с псевдоманьяком, не дающим возможности девушкам спокойно изучать римскую историю.

Вылетая сегодня из своего подъезда, я имела в сумочке полный набор одинокой сексапильной дамы: мобильник, пистолет, сигареты и второй костюмчик. На всякий, так сказать, случай.

Погода обещала быть замечательной – как ей и положено, когда я не могу заниматься приятными дамскими делами на пляже.

До дома Антонины я добралась на такси.

Антонина снимала квартиру в старом районе города, в его историческом центре, на улице Сергиевской, где домики были обшарпанными и снаружи и внутри, где люди запросто переговаривались друг с другом сквозь раскрытые окна и порой забывали, что живут они в большом городе, а двадцать первый век уже за углом.

Я заняла позицию через квартал от дома и набралась терпения. Судя по всему, сегодня мне его понадобится много-много.

Одета я была «как своя» для этого микрорайона: волосы собраны в хвост, легкий серенький костюмчик и старые босоножки.

Антонина вышла из своего дома без пяти минут девять, как она мне и обещала, и неторопливой походкой направилась к троллейбусной остановке.

Все ее сегодняшние маршруты я знала наизусть.

Идя по тротуару, она огляделась и, не заметив меня, пожала плечами и повернула за угол.

Отщелкнув окурочек сигареты в урну и попав точно в ее распахнутую черную пасть, я побрела следом за Антониной, разглядывая бутылки в ларьках.

Повернув за угол, я увидела Антонину, прижавшуюся у лотка с мороженым.

Заметив ее маневр, я остановилась рядом и, не разжимая губ, спросила:

– Что случилось?

– Я его не вижу, Таня, – ответила мне Антонина, и, услышав ее слова, продавщица откровенно вытаращилась на нас.

Я вздохнула и, неопределенно ответив, что еще не вечер, купила себе эскимо на палочке и побрела дальше.

Куда пойдет Антонина, я и так знала, поэтому пялиться на нее смысла не было: мне нужна была не она, а та рыба, которая на нее упорно клевала.

Антонина не спеша направлялась по Московской улице к библиотеке университета, с запланированными заходами в магазины. Я шла по другой стороне, ела мороженое и рассеянно поглядывала на прохожих.

Девять утра – самое благодатное время для прогулок с конкретной целью, конечно: людей на тротуарах прорва, машин на дорогах – почти столько же. Остаться незаметным в этой массе – задачка по силам даже для детей.

Примерно через полчаса я должна была признаться, что слежка за Антониной на самом деле существует. Я пристроилась к ее преследователю и принялась его изучать.

Открытие не замедлило ошарашить меня своей неожиданностью. Я даже уронила недокуренную сигарету на асфальт.

Маньяком, следящим за Антониной, оказался Владимир Прокопенко!

Мне бы порадоваться, что два дела очень удачно наложились друг на друга, но совпадения меня всегда нервировали, а сейчас меня просто затрясло.

Маньяк-гомосексуалист следит за девушкой, изучающей римскую историю! Было от чего удивиться!

Причем Прокопенко не показался мне новичком, он пас Антонину очень квалифицированно и старался не попадаться ей на глаза. Я даже удивилась, как она смогла его раньше засечь.

Скорее всего эта девочка, поднимая свои глазки от книжек, просто-напросто была склонна высматривать симпатичных мальчиков на улице.

Вот она и обнаружила этот стильный экземпляр. Сначала один раз, потом второй, ну а затем ей стало уже не интересно, а жутковато. И она забила тревогу.

Прокопенко работал очень качественно. Его слежка не была ни в коем случае демонстративной, наоборот, он использовал почти каждую возможность, чтобы замаскироваться.

Его работа была похожа на спецкурс из спецшколы. Я, конечно же, имею в виду не школу компенсации подростков, а нечто совсем иное.

Невольно любуясь работой профессионала, я приблизилась к нему на максимально возможное расстояние.

Создавалось впечатление, что по подготовке это мой коллега, а по внешнему виду – хлыщ хлыщом.

Короче говоря, однозначного мнения я составить не могла и продолжала свои наблюдения.

Через два часа блужданий я, озверев от двусмысленности ситуации, дождалась, когда Антонина зашла в Научную библиотеку университета и увидела, что ее преследователь присел за столик в летнем кафе.

Интересно было то, что он выбрал не то кафе, которое находилось напротив входа в библиотеку, а более дальнее, на углу.

Я тоже заняла свободный столик, третий от этого непонятого гея.

Осмотревшись, я поняла причину его выбора: из университетской библиотеки было два выхода. Второй, очевидно служебный, просматривался из этого кафе очень хорошо. Мальчонка и здесь сработал на уровне: он контролировал оба выхода, и Антонина при всем своем желании не смогла бы уйти незамеченной.

Володя Прокопенко взял себе апельсинового сока и начал лениво посматривать по сторонам. Бросив оскорбительно равнодушный взгляд на меня, он стал поглядывать на парней, сидевших за соседним столиком.

Я жестко напомнила себе, что ничего другого не следовало и ожидать, и взяла себе фанты. Чтобы совсем уж скучно не было.

Было очевидно, что Прокопенко – профессионал, старающийся не выпускать из поля зрения Антонину и при этом не попадаться ей на глаза.

С этим профи требовалось познакомиться ближе, и не только потому, что такое задание я получила от Романа Балдеску, но и потому, что Антонина, вероятно, мне чего-то недорассказала.

Мне сразу же стало гораздо интересней жить на свете.

Заранее зевая от мысли, что за Антониной шляется какая-то жалкая помесь из Ромео и Отелло, я была приятно поражена, что дело становится все более и более любопытным.

Что-то здесь было нечисто.

Я закурила сигарету и, полуотвернувшись, чтобы не слишком мозолить глаза Прокопенко, задумалась о том, как же поступить дальше.

В безнадежной тоске прошло примерно полтора часа. Но только я расслабилась, как мой подопечный гей внезапно поднялся со стула и вышел из кафе. Я увидела, что Антонина появилась из центрального выхода библиотеки, удобнее подкинула на руке своих толстых римлян и пошла по направлению к центру города.

Она заглянула в пару магазинчиков и спустилась в район Пешки. Так у нас традиционно называется дикий базар, расположенный рядом с бывшим шахматным клубом.

Антонина медленно брела вдоль лотков с разнообразным товаром, ничего не покупая и не выбирая.

Прокопенко, чтобы не потерять ее в толпе, вынужден был приблизиться к ней. А я начала всерьез задумываться, что мне вполне можно было бы и прекратить работу до вечера.

То, что мне было нужно, я уже узнала: за моей клиенткой на самом деле идет слежка. Причем делается это на хорошем уровне и пока угроз для нее я не вижу. Цель слежки придется выяснить у Прокопенко при личной с ним встрече. Это можно было отложить на вечер: ни он против Антонины, ни я против него без ненужного риска ничего не сможем предпринять среди бела дня и на глазах у людей.

Вечером, когда клиентка будет находиться у себя дома, как мы с ней и договорились, я и познакомлюсь с ее симпатичным топтуном. И решу сразу две задачи: сниму слежку с Антонины и отдам Вову Прокопенко Роману Балдеску.

После этого я навещаю Антонину и жестко колю ее на информацию. Пусть меня застрелят из рогатки, но гомосексуалисты просто так за девушками не бегают. Тут должен быть корыстный интерес.

Я бросила взгляд на Антонину и Володю, торчащего у нее за спиной на расстоянии пяти-семи метров, но уходить на перерыв передумала, потому что меня заинтересовали действия Антонины.

Она подошла к тому углу рынка, где обычно кучковалась весьма сборная команда.

Здесь стояли пожилые джентльмены, занимающиеся продажей марок, значков, монет и прочей ерунды, а также невдалеке от них крутились знакомые мне личности, снабжающие жаждущих граждан разной «дурью», начиная от реланиума и заканчивая кокаином.

Короче говоря, купить здесь можно было все.

Антонина огляделась и смело подошла к одному типу, известному мне под кличкой Макабр. Переговорив с ним, она вынула из сумочки кошелек, расплатилась с Макабром и по его кивку подошла к деду, торгующему старыми советскими детективами. Дедок протянул Антонине белый пакетик и укоризненно покачал головой.

Было от чего мне почесать затылок.

То, что Антонина получила – если это было героином, – стоило наверняка половину всей Пешки: слишком уж велик был пакетик. К тому же Антонина не была похожа на наркоманку, это я отметила еще при личной встрече.

Уходить домой мне расхотелось окончательно.

Антонина положила пакетик в кошелек, кошелек опустила в сумку и развернулась, чтобы уйти.

В этот момент из толпы, густой массой проходящей мимо, вынырнул сутулый парень и дернул за сумку, одновременно оттолкнув Антонину от себя.

Сумка оказалась в его руках, Антонина попятилась и, не удержав равновесия, села прямо на стопочку потрепанных детективов. Стопочка медленно съехала набок, Антонина вместе с нею, и через секунду она уже лежала на земле, жалко трепыхая конечностями и пытаясь подняться. Римскую книжку Антонина не выпустила из рук, а вот полиэтиленовый пакет уронила, он упал, и из него вывалились наружу две тоненькие книжки, вроде тех детективов, которые не жалко позабыть в электричке.

Парень скользким ужом втерся в толпу и почти потерялся в ней.

Я была отделена от происходящего не очень большим расстоянием, но мои шансы догнать этого сопляка были минимальными. Однако я все-таки отважно ломанулась за ним скорее по причине вечной неумности своего характера, чем надеясь на успех.

Лавируя между людьми, я окончательно завязла в этом непроходимом человеческом болоте, и единственное, что реально могла делать, – это оставаться зрителем.

А события развивались по оригинальному сценарию. Я даже не ожидала такого поворота сюжета.

Прокопенко, всегда старавшийся держаться в тени, вдруг вышел на первый план. Он был гораздо ближе меня к Антонине и сразу же бросился ей на помощь.

Как он разобрался с парнем, я не заметила, но только парень вдруг появился снова, словно его вытолкнула наружу некая сила. Прокопенко, уцепив его за руку, провел болевой прием дзюдо, согнул мерзавца в колесо, ткнул его носом в землю и отобрал сумку.

После чего, отделавшись всего лишь пинком в задницу, счастливый парень удрал, а Прокопенко протянул сумку Антонине, с помощью расшумевшегося дедка уже успевшей подняться на ноги.

Антонина сумку взяла, потом разглядела того, кто ей эту сумку протянул, вскрикнула и отшатнулась.

Снова упасть ей не дал дед, а Володя Прокопенко, опустив голову, постарался опять скрыться.

Антонина стала оглядываться, но уже его не увидела.

Я же Прокопенко не упустила и заметила, куда он подевался: он встал за соседним ларьком, достал пачку сигарет и закурил.

Получался очень интересный спектакль: постоянно находящийся в тени Прокопенко ненавязчиво оберегает Антонину от неприятностей и снова возвращается в тень.

Оставлять такую пару без присмотра было слишком наивным.

Я вздохнула и продолжила работу.

Глава 3

Все свои дела в городе Антонина закончила к шести часам, вдоволь насидевшись в кафешках, погуляв по магазинам и по парку. Я нарочно вчера просила ее ходить как можно больше, чтобы самой получить наиболее полное впечатление о происходящем.

Антонина выполнила мою просьбу и походила, причем очень добросовестно. Мне, уже давненько потерявшей привычку шляться на своих двоих, это дело здорово поднадоело.

В результате вечером, когда Антонина наконец-то прибрела к своему дому, у меня и ноги гудели, и язык висел на плече, и было страстное желание залезть в ванну и уснуть в ней до послезавтрашнего утра.

Но приходилось работать.

Антонина ушла к себе, Прокопенко остался маячить во дворе, а я зашла в подъезд соседнего панельного дома и поднялась в лифте на девятый этаж. Там я постаралась максимально изменить внешность: неприлично девушке весь день выглядеть одинаково, люди могут подумать, что у нее слабо с фантазией.

Я надела другой костюмчик, достав его из сумки, распустила волосы и сменила очки. Таким образом я предстала перед собой и всеми остальными совершенно другим человеком.

Я быстро вышла из подъезда и вдоль дома ушла в противоположную от Прокопенко сторону.

Я, разумеется, уже из подъездного окна разглядела, что он продолжает высидывать на лавочке почти напротив дома Антонины и почему-то имеет вид человека чего-то или кого-то нетерпеливо ожидающего.

Таня-умница нашла очень выгодную позицию для наблюдения у соседнего дома рядом с толстоствольным тополем. Я стояла там и спокойно курила, и единственным неудобством было соседство со старухами, сидевшими на лавочке.

Вышедшие подышать воздухом и обменяться тоскливыми сплетнями пенсионерки сперва косились на меня, потом, видя мое равнодушие к их существованию, просто перестали меня замечать. Что было весьма кстати.

Вова Прокопенко замечательно просматривался с этого места, не имея никакой возможности разглядеть меня.

Поэтому приходилось терпеть и тренировать свою силу воли. Кто ж знает, возможно, это ей шло на пользу. Я про волю.

Наконец я заметила, что Прокопенко поднялся с лавочки и шагнул навстречу к подошедшему к нему мужчине.

Вот тут-то я чуть и не присвистнула.

К моему подопечному приблизился мужичонка среднего роста и среднего возраста, в безобразнейшей белой шляпе на голове. Прокопенко передал ему трубку сотового телефона, после чего круто развернулся и быстрым шагом пошел прочь со двора.

Мне разыгравшаяся сцена стала ясна с первого же взгляда, потому что я знала этого человека.

Степан Онучин был – с точки зрения обывателей, конечно, – таким же частным детективом, как и любимая вами Танечка Иванова. Таким же, да не совсем.

Степан в начале своей карьеры от работы имел доход гораздо больший, чем я. Теперь же, по прошествии лет, ситуация изменилась, и не в его пользу: завоеванная мною репутация приносила мне такие деньги, что Степа не поверил бы, а сам он за это время опустился буквально до лавочки и работает на подхвате.

И вот теперь мой Вова Прокопенко вооружил Степу сотовым и пошел спокойно дрыхнуть, зная, что в случае чего Степа ему сразу же позвонит, за что утром и получит свою копеечку за копеечный же дефективный труд.

Подождав, когда Прокопенко скроется за углом, я сделала небольшой крюк, чтобы ненароком не попасться на глаза Степе, и последовала той же дорогой.

Из преследователя Володя Прокопенко незаметно для себя превратился в дичь, и моя задача состояла в том, чтобы эта картинка не изменилась без моего ведома.

Оказалось, что мой подопечный живет неподалеку от Антонины, по крайней мере, в первый подъезд ближайшей пятиэтажки он зашел как в хорошо ему знакомый и привычный.

Я оказалась около этого подъезда на десять секунд позже него. Убедившись сначала, что я слышу шаги моего ведомого на лестнице, я тихо вошла и, стараясь ступать только на носки, стала подниматься вверх.

Прокопенко остановился на третьем этаже и загремел связкой ключей. Сомнений не осталось: да, он тут живет.

Я мысленно прикинула расположение домов и подумала, что вполне возможно, что из его окна могут быть видны окна Антонины.

Мне снова стало скучно: неужели он не только следит на улицах, но еще и подглядывает в окна?!

Дверь квартиры открылась, потом захлопнулась, я поднялась на лестничную клетку и, прислушавшись, поняла, что он зашел в одиннадцатую квартиру.

Дело было сделано, и оставалось только подождать приличный срок и нанести визит симпатичному гею.

Я настолько устала, что решила обойтись с ним резко и без сантиментов.

Я спустилась на лестничную клетку второго этажа и посмотрела на часы. Было девять часов. Решив дать Прокопенко отдых в двадцать минут, достаточных для того, чтобы он расслабился, я уже приготовилась честно оттерпеть свое последнее испытание за этот светливый день, как вдруг услышала звук открывающейся двери и шаги.

Легкими, еле слышными прыжками я спустилась на первый этаж и спряталась под лестничный марш.

В пятиэтажках перед подъемом к первому этажу всегда под лестницей есть темная ниша. Вот я туда и забилась.

Володя, уже успевший переодеться и сменить джинсы на серые брюки, а футболку на свободную рубашку, вышел из подъезда, громко хлопнув при этом дверью.

Моя охота неожиданно для меня самой продолжилась.

Прокопенко встал у дороги и, увидев «Москвич» с шашечками такси на ветровом стекле, тормознул его и, быстро договорившись, сел в салон.

Я топнула ногой от досады и, помахав рукой следующему за такси красному «жигуленку», остановила его.

– Поехали, шеф, – скомандовала я, садясь в салон. За рулем восседал самый неудачный из вариантов: пожилой дедок в затертой кепке.

– Какая скорая, – проворчал он, хмурясь. – А чем платить будешь?

Я вынула из кармана полтинник и положила ему на панель.

– Это сверх того, что ты запросишь за работу, мне нужно очень аккуратно проехать во-он за тем «Москвичом», видишь?

Дедулька, приоткрыв рот, посмотрел на меня.

– Ты педальку нажми, – вежливо попросила я, показывая ему из своих рук красную книжечку, разумеется, не собираясь ее открывать. – Езжай, что ли! – вскрикнула я, увидев, что «Москвич» завернул и исчез из видимости.

– А... ага, – сообразил наконец-то дедуля и рванул вперед.

Мы не упустили нужную нам машину, догнали ее и проследили до конца маршрута. Володя Прокопенко вышел на Соборной и зашагал по направлению к городскому парку. Я расплатилась со своим водителем, который, состроив заговорщицкую физиономию, подмигнул мне и громким шепотом спросил:

– ФСБ, дочка?

– Чш-ш! – зашипела я, прикладывая палец губам. – Бери круче: это МИ-6! Про Джеймса Бонда слышал? Это – я!

Оставив дедулю сидеть с открытым ртом, я легко выпрыгнула из машины.

Прокопенко уже свернул на одну из боковых улочек, я же решила догнать его по параллельной – он куда бы от меня не делся.

Мои расчеты оправдались. На первом же повороте заглянув на соседнюю улицу, я увидела Прокопенко, заходящего в старый двухэтажный дом. Типичный образчик дореволюционного мещанского домостроения.

Перед тем как войти в раскрытую дверь дома, Прокопенко зачем-то оглянулся и, бросив на меня немного более долгий взгляд, чем было бы нужно, скрылся в подъезде.

Я прошла мимо дома, краем глаза посмотрев в темноту его подъезда.

В таких домах могут быть и две квартиры, и все восемь.

Подождав на другой стороне улицы и не увидев, чтобы в домике зажглось новое окошко, я сделала вывод, что мой подопечный пришел к кому-то в гости.

Терять время и бессмысленно топтаться на месте не имело смысла, поэтому я решила еще разок пройти мимо дома, снова заглянуть в подъезд и, если там все тихо, срочно ловить мотор и ехать на квартиру к Прокопенко и произвести там более полное знакомство с ним. Без его ведома, разумеется. Не люблю, когда мне мешают.

Я остановилась напротив подъезда и, не сумев рассмотреть в его темноте ничего, кроме широкой лестницы, поднимающейся вверх, особенно не раздумывая, вошла внутрь.

Англичане в таких случаях врут, что любопытство сгубило кошку.

Через секунду мои глаза привыкли к темноте, я подошла к лестнице и осторожно посмотрела на второй этаж. Оттуда доносились приглушенные звуки музыки. Было впечатление, что люди культурно отдыхают. Если мой ведомый там, то и прекрасно – это надолго. Только бы Антонина не выкинула какой-нибудь несанкционированный фокус.

Внезапно сзади послышались мужские голоса, и двое парней появились в двери подъезда.

Я сразу же развернулась к ним лицом и не торопясь пошла навстречу, словно только что спустилась с лестницы и уже ухожу.

– О! Девушка! – воскликнул один из парней – высокий, худой и кучерявый, одетый в свободную рубашку навыпуск. – Вы, похоже, мой кадр!

– Угу, твой, твой, – сказал второй, ничего собой интересного не представляющий, и, бросив на меня мимолетный взгляд, бочком направился к лестнице.

Первый же остался и загородил мне проход.

– А я вас раньше не встречал? – спросил он. – Вы же у Жорика были в «Варежке», да? Я угадал?

Я промолчала и пожала плечами. Если, кроме Жорика, на втором этаже никто больше не обитает, то отказываться от знакомства с ним неразумно: тогда поднимутся другие вопросы.

– Я спешу, разрешите пройти, пожалуйста, – тихо и мирно проговорила я.

– Все решиться не можете, ох, девушка, девушка! А страх, между прочим, первый грех! – Кучерявый, как видно, был любителем потрепаться и расположился заняться этим надолго.

Он легонько обнял меня за плечо и доверительно наклонился ближе.

– Ну ты скоро там, Бутман? – поторопил второй и остановился, ожидая его.

– Щас! – отмахнулся мой собеседник и снова повернулся ко мне: – Бутман – это я, кстати, слышали обо мне, конечно?

Зачем огорчать людей? Я снова пожала плечами, если этот жест так много говорит ему, то пусть и получает, что хочет.

– Пойдемте со мной, – Бутман взял меня под руку, – я по выражению на вашем лице вижу, что вы девушка смелая и отважная. Скорее всего просто-напросто убежали, не дождавшись начала выступлений. Сам не люблю ждать. Спросите, как я догадался? Элементарно, Ватсон, начало-то ровно в десять, а вы уже навострились драпать.

Я дала себя развернуть, решив пока не делать резких движений. Мне даже показалось, что у меня реально появилась возможность провести нужную мне разведку не только в норе у Прокопенко, но и на его пастбище.

Слова Бутмана заставляли подозревать что-то неординарное и многообещающее, к чему Прокопенко мог иметь какое-то отношение. Он же ведь был наверху.

– Как вас зовут, девушка? – Бутман, окрыленный моей показной податливостью, ломанулся в любовую атаку.

– Таня, – ответила я.

– Ну и славненько, вы будете моей гостьей! – объявил Бутман. – Никто к вам и не подойдет и лапу не протянет! Бутман дает слово!

– А оно крепче гороха, – поддержал Бутмана его спутник, – короче, я пошел, ты, как видно, зацепился здесь языком надолго.

– Ни хрена! – Бутман плавно повел меня в направлении лестницы и сделал рукой приглашающий жест. – Вперед, на винные склады! – с притворной серьезностью провозгласил он.

Я поправила на плече сумку и окончательно решила, что если Вова Прокопенко меня в лицо не знает, то попробую-ка я сунуть мордашку неизвестно куда, авось сразу все и узнаю!

– А вас так и называть: Бутман? – спросила я. – Или можно как-то по-другому?

– Можно и по-другому, Таня, можно и по-другому: милый, любимый, хороший, солнышко, лапочка, но это не сразу, нам еще нужно будет познакомиться по-ближе! – пропел Бутман, и мы стали подниматься вверх по лестнице, ведущей в неизвестность.

Мы поднялись на второй этаж. Там была единственная дверь, за ней находилась сумрачная прихожая, освещаемая одинокой мутной лампочкой, криво висящей под потолком.

В конце прихожей нам открылась большущая комната, скорее всего образованная из нескольких коммуналок.

Этот зал освещался не намного сильнее прихожей, но все-таки светильники здесь были приличнее. Что-то вроде люстр свисало с потолка в разных местах, но они не разгоняли густых теней в углах.

Как я правильно поняла, были снесены ранее существовавшие перегородки, вместо них поставлено несколько столбов, поддерживающих провисающий потолок, и получился симпатичный зал с эстрадой в дальнем углу.

Точнее сказать, он был бы симпатичным, если бы не грязь повсюду и спертый воздух.

Все окна были плотно занавешены толстыми портьерами с тяжелыми золотыми кистями.

В зале стояло около десятка простых пластиковых столиков в окружении таких же стульев. Парочки, устроившиеся за этими столами, вполголоса переговаривались, потягивая разные напитки.

Более-менее все становилось понятно. Я попала в законспирированный клуб, а назывался этот клуб «Варежка», как меня просветил Бутман.

Интересно, что здесь делает мой Вова Прокопенко?

Мы с Бутманом задержались на входе в зал, он пошептался с нахмуренным парнем в темном костюме, заплатил ему за входные билеты, и мы прошли к пустующему столику справа.

Бутман, тут же наобещав мне вина и закусок, куда-то умчался, и я, не успев даже сказать ничего против, осталась в одиночестве.

Хмурый неопрятный толстяк примерно сорока лет, до этого бродивший по залу, вдруг подошел ко мне и, молча поморгав, тихо поинтересовался, какого черта я здесь делаю.

Я только успела открыть рот, как проходящий мимо охранник высказался за меня:

– Ее Бутман приволок. Сам видел.

– А-а-а, ну-ну, – проговорил толстяк и, скользнув взглядом по моим ногам, отошел, не сказав больше ни слова.

Глава 4

Несколько парней и девушек, громко переговариваясь и пересмеиваясь, потягивали вино за соседним столиком.

Вся атмосфера «Варежки» постепенно накалялась от какого-то ожидания.

Примчался Бутман и, громко дыша, сел рядом со мною.

– Еще не принесли? – удивленно спросил он, оглядывая пустой стол. – Вот козлы, блин! Вы только не волнуйтесь, Танюша, сейчас притащат!

Я не ответила, продолжая скромненько высидивать, сложив ручки на сумке, где у меня надежно прощупывался пистолет, и высматривала своего любезного друга Вову Прокопенко.

А его нигде не было видно!

Эстрада осветилась прожектором, до этого таившимся в темном углу зала.

Дыша на меня усиленно пережевываемым «Орбитом», Бутман прижался ко мне и стал доказывать, что вот-вот сейчас самое интересное и начнется.

Я слегка отстранилась, Бутман собрался возразить, но тут подошла непонятная фигура и стала с подноса выставлять на стол его заказ.

– А алкоголь? – громко спросил Бутман и радостно крикнул, увидев бутылку розового «бордо». – Все, вали отсюда, – махнул он официанту.

Я наконец-то разглядела то чудо, которое нас обслуживало. Это была девушка... кажется. Она была в закрытом купальнике, а, пардон, пониже пупка у нее была прикреплена веселенькая висюлька из розовой резины, имитирующая фаллос.

Я задумчиво смотрела вслед официанту, пока он – или она, уже не знаю – не почувствовал мой взгляд.

Официант повернулся и послал мне воздушный поцелуй. Это меня отрезвило, и я обратила внимание на эстраду.

Там уже обозначились в освещенном прожектором пятачке две девушки в купальниках и, поставив на краю эстрады стул, принялись довольно-таки вульгарно изображать лесбийскую любовь.

Не знаю, как других, а меня больше всего интересовало, хорошо ли выметена эта эстрада, и если нет, то как себя чувствуют девушки?

Через три минуты девушки избавились от той одежды, что была на них, и затихший зал внимательно наблюдал за самой неприкрытой откровенностью в их действиях.

Бутман весь извертелся на своем стуле, стараясь и зрелища не упустить, и мне внимание оказать.

Джентльмен разрывался, но пока справлялся с нагрузкой.

Прокопенко все еще не было, но зато я заметила кое-что любопытное.

Толстяк, интересовавшийся мною, оказался оператором этого кустарного эротического шоу. Он с ужасно занятым видом суетился слева от эстрады. Толстяк включил еще один прожектор, поменьше первого, установил на плече большую видеокамеру и, то приседая, то наклоняясь под разными углами, старательно снимал все действо.

– Бутман, – обратилась я к своему соседу.

Тот живо отреагировал.

Он положил мне одну руку на бедро, вторую на плечо и горячо продышал в ухо:

– Все, что хочешь!

– Даже так, – я передернула плечами, но руку он не убрал, – а для чего эти съемки?

– Реклама! – это слово высказал Бутман таким тоном, словно я спросила, в каком городе живу. – Жорик потом монтирует и посылает на фестивали наших. Его уже по всему миру знают. От Москвы до...

Бутман отвлекся и наклонился к девушке, сидящей за соседним столиком, что-то у нее спрашивая.

– От Москвы до Киева и в каждом вагоне, – закончила я за него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.